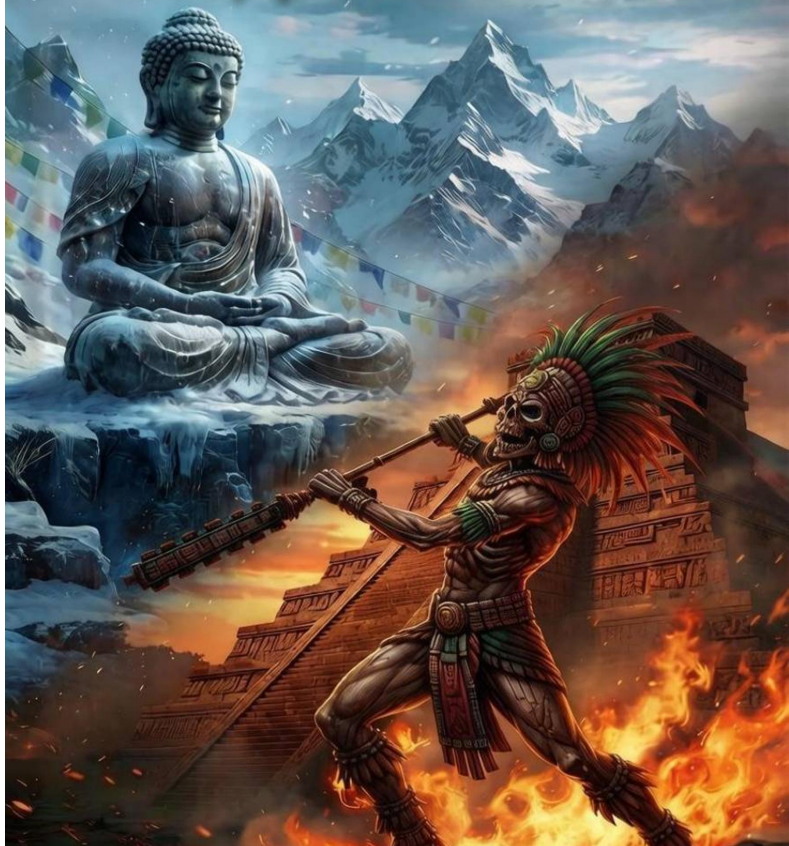


АЛЕКСЕЙ РЫБАКОВ
ХРОНИКИ
ЛЬДА И ОГНЯ



Алексей Рыбаков

Хроники льда и огня: Истории реальных столкновений миров и чему они нас учат

*<https://litres.ru/74384484>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что случится, если однажды человечество встретит внеземную цивилизацию? Ударим ли мы первыми, чтобы уничтожить угрозу? Или спрячемся за стеной? Или, пересилив страх, попытаемся понять чужаков?

Ответы на многие вопросы уже есть в истории. На нашей планете ранее случались столкновения абсолютно чуждых друг другу миров, разделенных тысячелетиями обособленного существования. Каждая из этих встреч в итоге оборачивалась рождением нового, чего не было ни у одной из сторон по отдельности.

Научно-популярное исследование «Хроники льда и огня» — не футурологический роман про контакты с внеземным разумом. Это приглашение к размышлению. Три столкновения цивилизаций, три модели поведения, три урока, которые могут

пригодиться, если человечество столкнется с инопланетянами или обитателями другого измерения

История учит не тому, что «ничему не учит». Она учит главному: как сосуществовать, не теряя себя, но и не уничтожая другого.

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть 1. Будда в одеянии Аполлона или Уроки индогреческой цивилизации	8
Раздел 1. Ветви одного дерева	11
Глава 1.1. «Ты помнишь, как все начиналось...»	11
Глава 1.2. Как предки греков и индо-ариев стали разными	15
Глава 1.3. Арийцы в роли «понаехавших»	20
Глава 1.4. Два мира — два ориентира	27
Раздел 2. Как греки пришли в Азию, а Индия к буддизму	32
Глава 2.1. Варварская окраина, ставшая пупом Земли	32
Глава 2.2. Галопом по Азиям	36
Глава 2.3. Ученик Александра	41
Глава 2.4. Отцы и дети	45
Раздел 3. Рождение индогреков	54
Глава 3.1. Забытое царство на краю Ойкумены	54
Глава 3.2. Из Бактрии в Гандхару	58
Глава 3.3. Что греков привлекло в Будде?	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексей Рыбаков

Хроники льда и огня: Истории реальных столкновений миров и чему они нас учат

Вместо предисловия

А что если однажды человечество столкнется с абсолютно иной цивилизацией — из дальней звездной системы или другого измерения? Вдруг на горизонте возникнут «чужие», чьи представления о жизни, смерти, времени, пространстве, добре и зле не имеют ничего общего с нашими.

Чем мы ответим на этот вызов? Ударим первыми, чтобы уничтожить угрозу? Построим вокруг себя стену и закроемся в изоляции? Пересилив страх, попытаемся друг друга понять? А если все же начнем войну — сможем ли найти в себе силы протянуть руку примирения?

Наша книга родилась из этих вопросов. Она о том, как человеческие народы уже сталкивались с иными — и что из этого получалось.

Эти истории не выдуманы.

Они происходили на нашей планете, когда разные ветви Homo sapiens, разделенные тысячами километров и тысячелетиями обособленного существования, сходились лицом к лицу.

Древние греки и индийцы.

Испанцы и коренные американцы.

Русские и сибирские племена.

Каждая из этих встреч была пересечением полярностей.

Но именно тогда-то и создавалось нечто, чего прежде не было ни у одной из сторон (...да и вообще, самое интересное всегда происходит в точке напряжения на границе между «своим» и «чужим»).

Название «Хроники льда и огня» — не случайная отсылка к Джорджу Мартину. Если вдуматься, сага великого фантазера рассказывает, как две стихии, схлестываясь, порождают новое. И о том, что каким бы невозможным ни казалось единение противоположностей, только вместе они творят жизнь.

В своих книгах Мартин показывает мир на пороге Зимы, в период кризиса, когда старые порядки рушатся, а новые еще не сформировались. Возможно, вся планета Земля в будущем окажется в похожем положении. Однако в отличие от Вестероса, у нас есть преимущество: примеры того, как преодолеваются пропасти, которые выглядели непреодолимыми.

Сегодня эти примеры представляются особенно актуальными. Ведь даже если нет никаких внеземных цивилизаций — нам бы и в рамках своей земной не скатиться к глобальной катастрофе. В виду чего фраза «история учит лишь тому, что ничему не учит» доброй службы сослужить не может. Ибо главный, на наш взгляд, урок Истории — как разным началам сосуществовать, не теряя себя, но и не уничтожая другого, — взять б на вооружение совсем не мешало...

...Ну а раз так — вперед!

Нас ждут удивительнейшие и поучительнейшие из летописей человеческого рода!

Часть 1. Будда в одеянии Аполлона или Уроки индогреческой цивилизации

До прихода к власти талибов в Национальном музее Афганистана в Кабуле хранились весьма своеобразные «идолы». У них были черты греческих богов: прямой нос, четко очерченные губы, идеальные пропорции. Складки одежды падали точно так, как учили в Афинах. Вокруг головы нимб, похожий на солнечный диск Аполлона. Но лицо совершенно невозмутимо, глаза закрыты, поза, застывшая в медитации.

Потому что это были статуи Будды.

Они были созданы в I–II веках н. э. в Гандхаре, регионе, расположенном на территории восточного Афганистана и северо-западного Пакистана. Существовали десятки таких изваяний. И барельефов, где по бокам от Просветленного стояли греческие герои и боги, переосмысленные в буддийском контексте.

Гандхарское искусство стало своеобразным мостом между эллинской и индийской культурами. Его поразительность — в самом факте этого синтеза. С одной стороны, перед нами подлинное буддийское искусство, созданное для украшения монастырей и святилищ: прославляющее Будду, сцены

его жизни, персонажей буддийского космоса. С другой — формы и стиль его неразрывно связаны с античной традицией, родившейся очень далеко к западу отсюда. Похоже на сны при температуре 39, не правда ли?

...Эта история о том, как две ветви человечества, огражденные друг от друга 5500 км гор, пустынь и враждебных царств, неожиданно столкнулись в сердце Азии.

Греки, считавшие себя самыми свободными людьми на земле.

И индийцы, гордившиеся своим колоссальным духовным багажом.

Каждый смотрел на другого со смесью презрения и страха. Им предстояло враждовать и спорить. Но в конце концов они преодолеют взаимное отчуждение, чтобы — обменявшись тем, чего им не хватало, — сообща создать культуру, каковой не имелось ни на Западе, ни на Востоке. Греки дадут индийцам форму: идеальные пропорции, канон красоты, умение облекать трансцендентное в зримый образ. А индийцы дадут грекам содержание: философию, уводящую за пределы всех форм. Именно так, помимо прочего, на свет явится лик Будды, который сегодня знает весь мир...

О Греко-Бактрийском и Греко-Индийском царствах, а также Кушанской державе, возникших и исчезнувших во времена оны на землях современных Пакистана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана, мало известно даже любителям древности. А ведь именно там произошло одно из са-

мых примечательных событий в мировой истории. Цивилизация индогреков подарила человечеству прототип глобального культурного кода, в котором восточная глубина и западная ясность не противопоставлены, а соединены. Такой опыт не повторялся вплоть до самого Нового времени, и в этом, по нашему скромному мнению, его сугубая ценность.

Но — не будем забегать вперед. Начнем с самого начала...

Раздел 1. Ветви одного дерева

Глава 1.1. «Ты помнишь, как все начиналось...»

Около 300 000 лет назад в Восточной Африке сформировался вид *Homo sapiens*. Наши предки постепенно овладели членораздельной речью — достаточно развитой, чтобы договариваться друг с другом. Они поклонялись одним силам природы, боялись одних хищников и, несмотря на своеобразия разных групп, долго сохраняли генетическое и культурное единство.

Однако среда и климат менялись, пустыни то наступали, то отступали, и люди, движимые голодом и любопытством, начали покидать африканскую колыбель. Это был не организованный исход, а медленное, почти незаметное за тысячелетия просачивание.

В диапазоне от 70 до 50 тыс лет назад первые группы охотников-собирателей, продвигаясь вдоль побережья, пересекли Баб-эль-Мандебский пролив, отделяющий Африку от Аравийского полуострова. Тогда уровень моря был ниже на десятки метров, и пролив был лишь узкой полосой воды. Те, кто рискнул, не знали, что они — предки всех неафрикан-

ских народов Земли.

Часть мигрантов двинулись вдоль южного побережья Азии: по берегу Индийского океана, через территорию современных Ирана, Пакистана, Индии. Они питались моллюсками, которых собирали на отмелях, и охотились на мелкую дичь. Некоторые из них спустя 10 000–15 000 лет доберутся до Австралии и Океании.

Другая группа направилась через Синайский полуостров в Левант (территория современных Израиля, Ливана и Сирии) и дальше. Этот путь был труднее и опаснее. Те, кто его выбрал, столкнулись с неандертальцами, другим человеческим видом, который уже тысячелетиями обитал в здешних краях. Впрочем, на этом контрасте особенно показательно проявилось все, что сделает *Homo sapiens* доминирующими на планете. Неандертальцы были и сильнее, и массивнее, и лучше приспособлены к холоду. Их мозг был даже чуть крупнее. Но они проиграли. Потому что *Homo sapiens* обладали тем, чего не было у них — способностью к абстрактному мышлению и языком, который позволял передавать сложную информацию на расстояния и из поколения в поколение. Неандертальцы при любой ситуации оставались в пределах своих экологических ниш, адаптируясь к конкретным условиям. *Homo sapiens* же не просто адаптировался, а преобразовывал среду под себя. Он изобретал новые орудия, приручал животных, обрабатывал землю. Именно способность к мышлению, выходящему за пределы непосредственного

опыта, позволила нашим предкам создавать сложные социальные структуры, а позднее строить города и государства.

Так началось великое разделение.

Северная ветвь столкнулась с суровыми зимами, нехваткой пищи и необходимостью выживать в экстремальных условиях. Это сформировало особый «северный адаптивный тип»: экономное расходование энергии, способность выдерживать длительное напряжение и исключительную приспособляемость к меняющейся среде.

Южной ветви — предкам дравидов и других народов Южной Азии — выпал иной жребий. Теплый климат, стабильные сезоны и относительное изобилие ресурсов обеспечили им созерцательную, спокойную жизнь без постоянной борьбы за выживание.

К 45 000 лет назад *Homo sapiens* заселили большую часть Евразии. Северная ветвь, пройдя через множество лихих поворотов судьбы, со временем распадется на несколько разветвлений. Около 6–5 тысяч лет назад, в причерноморских и прикаспийских степях встретились три потока: потомки местных охотников, пришельцы из сибирской тайги и выходцы с Кавказа, уже знавшие толк в земледелии. Из этого «тройственного котла» и родился феномен, который мы теперь называем «индоевропейцами». Именно они первыми в истории одомашнили лошадь и сделали колесный транспорт массовым. А на юге, в теплых долинах между Гималаями и океаном обитали дравиды...

...которые еще не знали, что однажды им предстоит встреча с северянами.

Глава 1.2. Как предки греков и индо-ариев стали разными

Итак, в Понтийско-Каспийской степи, по наиболее обоснованной на сегодняшний день гипотезе, сформировалась общность, которую лингвисты называют праиндоевропейской. То был не «народ» в современном смысле, а сеть родственных племен, говоривших на взаимопонятных диалектах и имевших схожий быт (они жили в полужемлянках да кочевали с табунами лошадей и стадами коров). Примерно к 4000 году до н.э. индоевропейцы начали расползаться из родных степных «ячеек» по континенту. Причины этого движения комплексные: демографический рост вкупе с климатическими изменениями. Главным же двигателем явилась мобильность. Легкие колесницы, пришедшие к началу II тысячелетия до н. э. на смену тяжелым повозкам, сделали индоевропейцев первыми в истории «людьми горизонта», способными за одно поколение преодолевать расстояния, которые раньше занимали века — так они превратят бескрайний пояс ковыля в удобную для себя магистраль, а их язык разойдется во все стороны света.

Вскоре бывшая общность окончательно распадется на несколько ветвей. Две из них интересуют нас в данный момент особенно:

Греческая ветвь (протогреки) двинулась на юго-запад и примерно к 2000 году до н.э. уже обосновалась на юге Балканского полуострова, где со временем выделились ахейцы, ионийцы, эолийцы и дорийцы. Здесь, на пересечении морских и сухопутных путей, возникла микенская цивилизация (XVI–XII вв. до н.э.) — первая глава греческой истории.

Индо-иранская ветвь (арии) пошла на юго-восток. Ее путь был долгим и трудным. Где-то в степях Казахстана и на берегах Амударьи ветвь разделилась. Одна группа, предки иранцев, осела на Иранском нагорье, дав начало мидьянам, персам и скифам. Другая — предки индо-ариев — продолжила движение к югу, перешла через Гиндукуш и к 1800 г. до н.э. вошла в долину Инда.

Все индоевропейцы — не исключая протогреков и ариев — продолжали хранить в речи память об общем корне. Приведем лишь несколько примеров. Слово «мать»: по-гречески *μήτηρ* (*mētēr*), на санскрите — *mātr*. «Отец»: греческое *πατήρ* (*patēr*), санскритское *pitr*. «Три»: греческое *τρεῖς* (*treîs*), санскритское *tráyaḥ*. Глагол «быть»: греческое *ἔστί* (*estí*), санскритское *ásti*. Прилагательное «новый»: греческое *νέος* (*néos*), санскритское *návaḥ*.

Параллели не ограничиваются лексикой — они прослеживаются в грамматических структурах, в системах спряжения и склонения. Сама по себе возможность такого сравнения исключает случайное заимствование: санскрит и древнегреческий — потомки одного языка-предка.

Еще более показательны аналогии в пантеоне. Праиндоевропейский верховный бог *Dyēus ph₂tēr* («Отец-Небо») дал греческого Зевса (Ζεύς, откуда латинское Deus) и ведийского Дьяус-питара (Dyáuṣ pitár). У них совпадают не только имена, но и эпитеты. Зевс в гомеровских поэмах — «тучегонитель», Дьяус в Ригведе — «гремящий». Оба связаны с дневным светом и верховной властью, хотя их дальнейшие судьбы не одинаковы. Зевс становится антропоморфным царем Олимпа со вполне человеческими страстями, интригами, любовными похождениями и семейными скандалами. Дьяус же в ведийской традиции постепенно отходит на второй план, уступая место более активным божествам — Индре, Агни, Соме, а в позднейшем индуизме и вовсе превращается в абстрактное «небо».

...И тем не менее родственные народы, попав в разную среду, создали совершенно непохожие (если не сказать — антагонистичные) модели.

Куда привели пути

К началу I тысячелетия до н.э. греческий мир — это корабли, бороздящие Средиземноморье, гомеровские поэмы, Олимпийские игры, полисы. А индоарийский — патриархальность, строгая иерархия варн, Веды, ашрамы лесных отшельников.

Различие двух культур не случайно, ибо продиктовано

ландшафтом и окружением.

Греция — это горы, море, сотни островов, мелкие долины. Ни одной крупной реки вроде Инда или Нила. Такой ландшафт породил полисы, маленькие государства-конкуренты. Полисы воевали, торговали, заключали союзы и выставляли атлетов на Олимпийских играх. Греческий культурный код — *агональный* (от агон — состязание). Он генерировал индивидуализм, соревновательность, культ совершенства. Отсюда школы-гимназии с интенсивной физподготовкой, нагота в скульптуре как добродетель, стремление измерить все: от соотношения длины окружности к диаметру до интервалов гаммы. Отсюда и антропоморфные боги. Олимпийцы — «такие же как мы», только сильнее, красивее и с бессмертием. Поликлет в V веке до н.э. создал статую Дорифора, задавшую идеальные пропорции («канон Поликлета»), подходившие и атлету, и богу; поскольку бог — суть совершенный человек.

У индоариев все было иначе. Даже после миграции в Пенджаб они сохраняли полукочевой, патриархальный уклад. Основная единица — не полис, а клан во главе с вождем-военачальником (*rājan*). Общество вертикальное, иерархичное. Конкуренция не между равными гражданами, а между вождями.

Ключевым для понимания фактором здесь стала встреча с дравидами.

Если предки греков, придя на Балканы, застали там нео-

литических земледельцев и чуть позже минойскую культуру на Крите (да, критские дворцы впечатляли, но это отнюдь не города-гиганты), то индоарии — встретили ИНЫХ. Они вошли в земли, где еще дышали руины великой Хараппской цивилизации...

Глава 1.3. Арийцы в роли «понаехавших»

...В 1920-х годах археологи, раскапывавшие холмы в долине Инда, сделали открытие, буквально перевернувшее историческую науку. Под слоем земли оказались останки двух огромных городов: Мохенджо-Даро и Хараппы. От 40 до 60 тысяч человек населения в каждом (для бронзового века колоссальные цифры), продуманная планировка улиц, система канализации, многоэтажные дома из обожженного кирпича. Крытые дренажные системы, которых не знал даже древний Рим! Все это существовало за 2500 лет до Рождества Христова. И все это не имело отношения к ариям, кои придут сюда позже.

Кто построил эти города? Язык хараппской письменности до сих пор не расшифрован. Многие исследователи считают, что его носители говорили на протодравидийском языке или на языке, родственном дравидийской семье. Сами дравиды сегодня — это 250 миллионов человек на юге Индии: тамилы, телугу, малаяли, каннара. Но пять тысяч лет назад их предки населяли весь Индостан — от Белуджистана до Бенгальского залива.

Хараппская цивилизация была уникальной. В Египте строили пирамиды для мертвых фараонов. В Месопотамии

возводили зиккураты в честь богов. В долине Инда не было ни дворцов, ни храмов, ни монументальных статуй правителей. Археологи находят тысячи изображений животных и деревьев, но ни одного царского портрета, ни одной монументальной статуи антропоморфного божества в человеческом облике (только крошечные рисунки и изваяния, вроде «Прото-Шивы» в позе йога).

Божественное почти не изображали — его *обозначали символами*. И это, заметим, не примитив, а сознательный выбор. Который определит судьбу индийской цивилизации на тысячелетия.

Не вторжение, а климат

Долгое время в науке господствовала теория «арийского завоевания» Хараппской цивилизации. Дескать кочевники-арии на колесницах ворвались в цветущие города, разрушили их и поработили местное население. Эта теория, сформулированная в XIX веке, прекрасно вписывалась в колониальный нарратив: если уж арии завоевали древнюю империю, то и британцам такое не зазорно.

Проблема в том, что археология эту теорию не подтверждает.

В слоях Мохенджо-Даро и Хараппы нет следов битв. Нет сожженных зданий, которые можно было бы датировать временем вторжения. Города были покинуты не в один момент,

а постепенно.

Объяснение дали исследования океанских отложений у побережья Пакистана. Примерно с 2500 года до н.э. летние муссоны, питавшие Инд, начали ослабевать. Зимние, напротив, усилились — но они приносили влагу не в долину Инда, а в предгорья Гималаев. Река Сарасвати, воспетая в Ригведе как «могучая, текущая с гор», пересохла полностью. Торговые пути с Месопотамией затухли.

К 1900 году до н.э. великая городская цивилизация Инда превратилась в воспоминание. Люди уходили в маленькие деревни в предгорьях. Потому, когда около 1800 года до н.э. (или возможно несколько раньше) индоарии начали переходить через Гиндукуш, они вошли не в страну городов, а в архипелаг разрозненных деревушек. Но обитавшие в них дравиды, несомненно, еще помнили о былом величии.

Как Индия стала Индией

Итак, светлокожие индоарии, говорившие на языке, родственном греческому и латыни, пришли в страну, где жили темнокожие люди с иной речью, богами и обычаями.

Ригведа сохранила память об этой встрече — в формулировках, которые говорят сами за себя. Визави ариев названы *даса* или *дасью*. Эти слова значат «чужаки», «враги», и быстро приобрели презрительный оттенок.

Характерно, что изначально в Ригведе противопоставля-

ются две *варны* (о варнах подробнее речь будет дальше): *арья-варна*, светлая, и *даса-варна*, темная. Бинарная оппозиция «мы — белые, они — черные» легла в основу социального порядка. Белые завоеватели теперь правят бал, а местные темнокожие сведены на нижние ступени иерархии.

Вроде бы картина вырисовывается ясная...

...но на деле все сложнее.

Кочевники с севера были сильнее в военном плане, но не культурном. Им пришлось учиться у местных, ибо без этих знаний они не бы смогли управлять завоеванной страной. Томас Барроу, крупнейший специалист по санскритской лексике, проделал титаническую работу по выявлению дравидийских заимствований. Так он выделяет несколько категорий:

Флора и фауна: «павлин» (*mayūra*), «буйвол» (*heramba*), «антилопа» (*kuraṅga*), «крыса» (*unduru*).

Быт: «ступка» (*ulūkhalā*), «горшок» (*kuṇḍa*), «хижина» (*kuṭī*), «деревушка» (*pallī*).

Сельское хозяйство: рис (*vrīhi*), просо (*aṇu*), хлопок (*karpāsa*), бамбук (*karmāra*). Даже слово «плуг» (*laṅgala*) — не индоевропейское, его принесли носители мундских языков (другой доарийской группы).

Все это свидетельства очень глубокого воздействия. Культурное доминирование оставалось за тысячелетней оседлой традицией.

Дальше — больше. Арийский пантеон изначально был су-

ров и мужественен. Индра-громовержец, Агни-огонь, Варуна-космический порядок. И эти боги, как их греческие «кузены», были достаточно антропоморфны (впрочем, в ведийской традиции их телесность не акцентировалась).

Дравидийская традиция предстает иной. Это культ, ориентированный на символический образ. Бык — не изображение бога, а знак его присутствия. Лингам — не портрет Шивы, а его сущность.

Арии, будучи завоевателями и меньшинством, не могли просто принять дравидийских богов (это значило бы полное растворение в культуре большинства), но и не могли игнорировать — слишком сильным было влияние местной традиции. Поэтому они пошли по пути «ведизации»: включили дравидийских богов в свой пантеон, но *переосмыслили*, дав «арийские» родословные и функции.

Шиву, вероятно, восходящего к грозному лесному божееству дравидийских верований, постепенно отождествили с Рудрой, «рычащим» богом бурь из Ригведы. Темнокожий Кришна стал аватаром Вишну, бога, почти незаметного в ранней Ригведе, но ключевого в позднем индуизме. Вознеслось на вершину индуистского Олимпа и женское божество (Девы, Шакти, Дурга, Кали), хотя ведийская традиция почти не знала богинь.

Пуджа, ритуал подношения с курениями, постепенно вытеснила древнюю ведийскую *яджну* с ее кровавыми жертвоприношениями. Само слово *рĳjā*, кстати, имеет дравидий-

ское происхождение (от *rīsi* — «мазать», «натирать»).

От дравидов индоарии переняли и практики внутреннего сосредоточения, которые превратились в систему духовного совершенствования, ставшую «фирменным знаком» индуизма.

Таким образом, индуизм, который мы знаем сегодня — с ашрамами, медитациями, фестивалями, паломничествами к священным горам и рекам, — это в огромной степени продукт дравидийского субстрата.

Арии принесли алтарь. Но богов дали дравиды.

Варны: цвет как граница

Главное изобретение индоариев, позволившее им выжить как меньшинству, — это система варн. Слово *varṇa* буквально означает «цвет», «категория», «свойство». Она создавалась как механизм сохранения идентичности: мы — светлокожие, они — темнокожие. Мы — господа, они — слуги.

Четыре варны, описанные в Пуруша-сукте, хорошо известны. Брахманы (жрецы) родились из уст Первочеловека. Кшатрии (воины и правители) — из его рук. Вайшьи (земледельцы и торговцы) — из бедер. Шудры (слуги) — из ступней. Нужно ли говорить, что дравиды, как неарийцы, чаще всего попадали в число последних.

Современные исследователи подчеркивают: в ранней Ригведе эта четырехчастная система еще не закреплена. Она

появляется в поздних гимнах и полностью оформляется в текстах дхармашастры лишь столетия спустя. Но бинарное деление на «арийцев» и «даса» присутствует с самого начала. И это деление — по цвету кожи.

Столетия спустя поэты Махабхараты начали рефлексировать над означенной системой. В одном из пассажей мудрец Бхарадваджа вопрошает: разве гнев, страх, голод, жадность не присущи всем людям? Разве кровь не течет в жилах всех? Что же тогда отличает варны? Ответ эпоса поразителен для своего времени. Нет различия между варнами. Вся вселенная — суть Брахман...

...Однако рефлексия поэтов рефлексией поэтов, но кастовая система — как ключевой инструмент сохранения арийской идентичности — не просто утвердилась. Она превратилась в «бронзовый кокон», в который индийская цивилизация заковала сама себя.

Глава 1.4. Два мира — два ориентира

Прежде чем идти дальше, коротко резюмируем самое важное о двух моделях.

Вертикаль, где застыло время

Индийская к моменту походов Александра насчитывала как минимум тысячу лет непрерывной ведийской традиции. И ее ключевая особенность — внутренняя неподвижность.

Представьте себе общество, где твоё место определяется не талантом или хотя бы удачей, а тем, из какой части тела космического великана тебя угораздило родиться: уст, рук, бедер или ступней. Т.е. деление даже не социальное — космическое! Перевоплощение души (*сансара*) зависело от того, как ты исполняешь свою *дхарму* — предписанный богами образ жизни. Брахман должен изучать Веда и духовно кормить народ. Кшатрий — воевать и править. Вайшья — пасти скот и торговать. А шудра... «...Только одно занятие Владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением», — утверждали «Законы Ману». Формально шудры, то бишь основная масса общества, были свободными. Но то положение, которое им отводилось, мало чем отличалось

от рабства. Еще ниже, вне варн и человеческого достоинства, находились «неприкасаемые». Их тень, падающая на брахмана, оскверняла его, а прикосновение требовало ритуального очищения.

Эта система начисто гасила социальную динамику. Варна определялась рождением и оставалась неизменной до смерти. Она могла измениться только в следующем перерождении, в зависимости от того, как ты исполнял свою дхарму в этой жизни.

«Весь мир подчиняется посредством Наказания», — провозглашали те же «Законы Ману». Государство, по брахманской теории, служило механизмом принуждения, который заставлял вайшьев и шудр исполнять предписанное. Царь управлял земными делами, но над ним стояли жрецы. «Царь должен следовать дворцовому Жрецу, — говорится в «Артахашастре», — как ученик учителю, как сын отцу, как слуга господину».

Это не значит, что в Индии не было политической жизни. Династия сменяли друг друга, империи взлетали и рушились. Но структура общества оставалась неизменной.

Именно эту неподвижность, возведенную в космический принцип, увидят греки, когда перейдут Инд.

Горизонталь, где все соревнуются

Совсем иной мир открывается нам в Греции.

Эллада не была империей. Здесь не имелось единого царя и закона. Вместо этого были полисы: сотни маленьких городов-государств, каждый из которых считал себя центром вселенной. Афины, Спарта, Фивы, Коринф — все они воевали, торговали, заключали и расторгали союзы.

Воздух, которым дышали греки, — *конкуренция*. На Олимпийских играх атлеты состязались не за деньги. Победитель получал гораздо большее: славу, почести, место в совете. Его статую ставили в святилище Зевса. Агон, дух состязания, пронизывал все: театральные постановки, философские диспуты, военные смотры. Греки не боялись своих богов — они с ними, бывало, спорили, даже насмехались. Афинский драматург Еврипид выводил на сцену богов как жалких, мстительных неудачников, и никто не привлек его к суду за богохульство.

Ну а самое важное: в греческой модели никто не был закреплён за своим местом раз и навсегда. Раб мог получить свободу. Переселенец — разбогатеть. Бедный гражданин — стать демагогом и вожаком толпы. Фемистокл, сын простого горшечника, стал архитектором победы над персами при Саламине и фактическим правителем Афин — не по праву рождения, а по личным заслугам и таланту.

«Человек есть мера всех вещей», — сказал Протагор. Сказать такое в Индии — значило бы подорвать саму основу дхармы, космического закона, который удерживает мир от хаоса. В Греции то была просто любопытная точка зрения,

наравне с любимыми иными.

Почему так получилось в том и другом случае?

Потому что каждая модель стукнулась со своим вызовом и ответила на него по-своему.

На вызов разнообразия, возникший после встречи ариев с дравидами, Индия ответила жесткой иерархией. Варны, дхарма, сансара — все работало на то, чтобы сохранить структуру при которой арии всегда оставались наверху, а дравиды внизу. Ты не можешь изменить свое положение в этой жизни, но можешь улучшить его в следующей, если будешь терпеливо нести свое бремя. Это было в чем-то гениальное социальное изобретение: сделать неравенство не насилием, а долгом перед космосом.

Для грека же главным вызовом был... другой грек. Сосед по полису, конкурент на агоре, соперник в театре. Из этой конкуренции родилось то, что мы называем греческим чудом: демократия (решения принимаются голосованием свободных граждан), философия (отказ от мифа в пользу логоса), наука (попытка объяснить мир без богов), искусство (идеалы гармонии и пропорций)

Антропоморфный греческий бог — это бог, которого можно изобразить и он, в конечном счете, понятен, потому что похож на человека. Греки не поклонялись тайне — они поклонялись красоте, силе, совершенству, но всегда в че-

ловеческом измерении. Индийцы же, усвоив дравидийскую традицию, где божественное почиталось через символы и внутреннее созерцание, искали истину не в видимом, а в том, что за ним — в безличном абсолюте, недоступном ни глазу, ни разуму...

Долгое-долгое время два мира существовали параллельно, почти не зная друг о друге. Разве что Геродот, посетивший Персию в V веке, записал несколько рассказов о «стране на краю света», в каковых рассказах фигурировали роющие золото муравьи, люди с собачьими головами и деревья, на коих растет шерсть (хлопок). Он не то чтобы врал, скорее пересказывал, что слышал.

Понятное дело, о систематическом знании речи и не шло. Греки не подозревали, что индийская цивилизация старше их собственной на тысячу лет. Что Веды были записаны (точнее, заучены наизусть и передавались устно) задолго до того, как Гомер сложил свои поэмы. Что философы-шраманы, живущие в лесах, тоже пришли к идее атомного строения материи — и тоже объясняли мир закономерностью.

Потому что между Грецией и Индией лежала Персия — враждебная, непроходимая, скрывающая Восток от Запада, как занавес скрывает сцену.

И этот занавес разорвал Александр.

Раздел 2. Как греки пришли в Азию, а Индия к буддизму

Глава 2.1. Варварская окраина, ставшая пупом Земли

К середине IV века до н.э. греческий мир переживал период кризиса.

Пелопоннесская война (431—404 гг. до н.э.) между Афинами и Спартой истощила обе стороны, и вся Греция раздиралась внутренними противоречиями. Социальная структура трещала по швам. Развитие товарно-денежных отношений привело к расслоению общества. Земля, которая всегда была основой гражданского статуса, превратилась в товар. Бедняки, лишившиеся наделов, не горели желанием работать — они предпочитали жить за счет государства, участвуя в народных собраниях и получая плату за свое присутствие. Платон с горечью заметил, что любой греческий полис разделен на два враждебных лагеря: богатых и бедных, готовых пожирать друг друга.

Политическая картина была пестрой и хаотичной. Афины пытались сохранить демократию, но демос-народ все больше напоминал толпу «шариковых», требующую раздачи благ.

Спарта, победив в Пелопоннесской войне, оказалась неспособна управлять Грецией — ее олигархический режим был слишком жестким и непопулярным. Фивы, маленький город в Беотии, неожиданно выдвинулись на первый план, разгромив Спарту под командованием гениального стратега Эпаминонда. Но гегемония длилась всего десять лет — Эпаминонд погиб, и Фивы быстро сошли со сцены.

Итак, Греция представляла собой арену бесконечных войн, союзов, предательств и переворотов. Каждый полис боролся за свои интересы, никто не хотел уступать, и никто не обладал достаточной силой, чтобы навести порядок.

В этот момент начал формироваться новый центр силы — в Македонии.

Македония располагалась к северу от Фессалии, за горным хребтом, который греки считали естественной границей своего мира. Для жителя Афин или Спарты македонянин был варваром — тем, кто не знает истинной культуры, ибо живет в лесах да горах. Хотя, заметим, македонские племена сложились в результате смешения населения нижнедунайской ранненеолитической культуры с фракийскими, иллирийскими и греческими этническими элементами. Иными словами, они были пограничным народом, впитавшим разные влияния (в т.ч. греческие). Не говоря уж, что цари македонцев возводили свой род от самого Геракла, и даже Геродот признавал их эллинское происхождение.

Удаленность Македонии от главных центров Греции и

оторванность от морского побережья объясняют ее относительную отсталость. В V веке до н.э., когда в Афинах при Перикле строился Парфенон, в Верхней Македонии еще сохранялись родоплеменные отношения. Городов как центров ремесла и торговли почти не существовало. Македоняне не участвовали в политической жизни полисов — у них была монархия, в то время как в Греции утвердились республиканские формы правления. Да и вообще образ жизни северян радикально отличался от того, что бытовал в Афинах. Они говорили на диалекте, который южане с трудом понимали, пили неразбавленное вино (варварский обычай!) и вели себя «не по-эллински».

Ирония судьбы в том, что эта «полуварварская» окраина с ее монархией оказалась эффективнее разобщенных и вечно враждующих полисов. И именно она смогла объединить всю Грецию.

Оружие, которому покорился мир

О македонском царе Филиппе II обычно вспоминают как о второстепенной фигуре — отце великого завоевателя. Это заблуждение. Филипп был, возможно, самым талантливым военным реформатором в истории древности. Именно он создал армию, равной которой не было, а Александр лишь умело воспользовался этим инструментом, добавив несколько штрихов к отцовскому творению.

Ключевым изобретением Филиппа стала *сарисса* — копье длиной от 4 до 6 метров. (Стандартное копье греческого гоплита было вдвое короче). Македонская фаланга обычно строилась из 16 шеренг. Солдаты первых пяти опускали сариссы горизонтально, создавая стену из пяти рядов наконечников, выступавших на 3–4 метра вперед. И противник, наступавший с фронта, оказывался не в силах даже приблизиться к телам воинов. Эта машина была неуязвима спереди, а с флангов и тыла прикрывалась тяжелой конницей — *гетайрами* («товарищами»). Фаланга сковывала врага, как наковальня, а конница наносила удар с боку, как молот.

Вдобавок к тому, Филипп сделал армию профессиональной. Греческие полисы использовали ополчение — граждане брали в руки оружие, когда объявляли войну, и возвращались к своим делам после ее окончания. Армия же Филиппа сражалась круглый год. Натренированный македонский солдат мог совершать форсированные марши по 55 км в день с полной выкладкой, а обычный переход в 25–30 км давался ему без особого труда.

Не удивительно, что к 336 году до н.э. Македония господствовала над всей Грецией...

...а стало быть, волей-неволей приняла эстафету по решению извечной внешнеполитической проблемы Эллады.

Глава 2.2. Галопом по Азиям

Таковой проблемой значилась Персидская держава Ахеменидов, крупнейшая империя древнего мира.

От Инда до Эгейского моря, от Каспия до Египта — более 5 миллионов квадратных километров, 70 народов, 20 сатрапий, бесконечные караванные пути и сокровища, перед которыми меркли любые греческие богатства.

Впрочем, к середине IV века до н.э. Персия была уже не той сверхдержавой времен Кира и Дария. Дворцовая знать погрязла в интригах, а сатрапы чувствовали себя независимыми царями. Десять тысяч греческих гоплитов, лихо прошедших с Ксенофонтом через всю Азию, показали: персидская армия не способна остановить дисциплинированный греческий строй.

Идея похода против Персии витала в воздухе еще при Филиппе. Он создал Коринфский союз и официально объявил войну персам — как «месть за вторжение Ксеркса» полтора века назад. Но в 336 году Филипп был убит, и дело продолжил его двадцатилетний сын.

Александр (так и хочется сказать — Филиппович) унаследовал не только корону вкупе с лучшей армией в истории античного мира, но и отцовский план: объединить греков, отомстить персам и захватить их богатства. Сюда наложились и личные особенности молодого царя, мечтавшего об импе-

рии, которая стерла бы границы между Западом и Востоком.

В 334 году до н.э. Александр переправился через Геллеспонт с армией в 32 000 пехоты и 5 100 конницы. По меркам Персии — силы небольшой сатрапии. Но то была армия Филиппа.

Не будем здесь подробно описывать поход Александра, ибо любители истории, конечно, знают канву событий. Скажем о главном: за три генеральных сражения — при Гранике (334 г.), Иссе (333 г.) и Гавгамелах (331 г.) — Александр уничтожил персидскую армию как организованную силу. Возможно, правы те восторженные апологеты Александра, которые называют его походы высшим проявлением эллинского духа и вообще эллинской цивилизации. Греки побеждали потому, что... были греками. Их способ мыслить — аналитический, соревновательный, всегда ориентированный на поиск оптимального решения — позволял им создавать то, чего не существовало прежде; те же сарисса или фаланга с такого ракурса предстают материализацией греческой идеи, что мир можно переустроить по законам разума.

К 330 году до н.э. Персидская империя перестала существовать.

Но Александр на этом не остановился. Он пошел дальше на восток — куда не ходил ни один грек. Через Парфию, Арию, Дрангиану, Бактрию и Согдиану. Царь основал 20 городов, названных Александриями, взял в жены дочь бактрийского вельможи Роксану, стал одеваться по-персидски

и ввел придворный церемониал с *проскинезой* — падением ниц перед царем. Греки, воспитанные на свободе и равенстве граждан, возмущались. Но Александр был уже не греческим царем. Он был царем всей ойкумены.

В 326 году до н.э. он перешел Гиндукуш и спустился в долину Инда...

...И здесь армия взбунтовалась. У реки Гифасис, за которой лежала неизвестность и будоражили умы слухи о враждебных армиях с тысячами слонов, солдаты отказались идти дальше.

Александр три дня просидел в своем шатре, ожидая, что они одумаются. Они не одумались — и царь принял решение возвращаться на запад.

...Великий завоеватель умер в Вавилоне в 323 году до н.э., немного не дожив до своего 33-летия: возможно, малярия, брюшной тиф или отравление. Как бы ни было, колоссальное наследие Александра Македонского значит в «эпохе эллинизма»: беспрецедентном смешении культур, в ходе которого греческий язык, искусство, философия и политические институты распространились на огромной территории от Египта до Инда. По сути Александр первым в истории поставил вопрос о возможности объединения Запада и Востока в одной империи. Его политика (смешанные браки, назначение персов на командные посты, основание двадцати городов-полисов) превратила Средиземноморье и Азию в общее культурное пространство, где грек и египтянин, македоня-

нин и бактриец могли общаться на одном языке (во многих смыслах).

Правда, после смерти Александра полководцы-диадохи, прошедшие с ним путь от Геллеспонта до Инда, не стали даже пытаться сохранить империю. Вместо одной державы возникло несколько царств. Грецию и Македонию взяли себе Антигониды. Египет — Птолемеи. Наиболее интересные нам восточные сатрапии — Бактрия и Согдиана (территории современных Афганистана, Таджикистана и Узбекистана) — отошли к Селевку I Никатору, основателю династии Селевкидов. В отличие от остальных его владений, простиравшихся от Сирии до Месопотамии, эти земли были не столько прибыльной провинцией, сколько стратегическим форпостом на границе с кочевым миром, откуда постоянно угрожали скифские племена.

Селевк удерживал контроль над Бактрией и Согдианой скорее номинально — реальная власть тут принадлежала греческим ветеранам, которых еще сам Александр оставил охранять границы. Будучи предоставлены сами себе, эти солдаты женились на дочерях бактрийских вождей, строили крепости по образцу родных полисов, чеканили монету с изображением Зевса...

...И именно из этой полувоенной-полуземледельческой среды, «катойкий» (военных поселений), через семьдесят лет вырастет Греко-Бактрийское царство, мост между мирами.

Но, как говорится, для танго нужны двое.

Что же к этому времени творилось в Индии?

Глава 2.3. Ученик Александра

К IV веку до н.э. на роль сильнейшего государства Индии выдвинулось царство Магадха в нижнем течении Ганга. Этим царством правила династия Нандов, создавшая первую в индийской истории регулярную армию и накопившая несметные богатства.

Когда Александр вторгся в Пенджаб (326 г. до н.э.), тогдашний правитель Магадхи Дхана Нанда мог выставить 200 000 пехотинцев, 20 000 всадников, 2000 колесниц и 4000 слонов (по крайней мере, такие цифры приводят античные источники). Греческая армия, измотанная восьмилетним походом, взбунтовалась при одном известии о столь баснословных силах. Как мы знаем, Александр в итоге отступил, но и Дхана не пошел в атаку. Возможно, на тот момент он не считал загадочных пришельцев серьезной угрозой.

Но с уходом Александра ничего не закончилось. Вскоре на западных рубежах Индии начал нарастать хаос. Те самые греки-ветераны, оставленные охранять рубежи, принялись воевать друг с другом. Вассальные им индийские князья восстали и частично перебили чужеземные гарнизоны. В это «окно возможностей» вошел человек, которому суждено было вписать свое имя в историю Индии золотыми буквами.

Звали его Чандрагупта (греч. — Сандрокотт)

Чандрагупта принадлежал к роду Маурьев — воинствен-

ной (скорее всего кшатрийской) династии из Пенджаба. Греческие источники сообщают, что в юности он видел Александра и убедился в превосходстве греческой военной организации. Если это правда, то урок юноша усвоил.

В 322–321 годах до н. э., Чандрагупта, воспользовавшись непопулярностью Нанд (ибо основатель сей династии был шудрой, что вызывало неприятие брахманской традиции), захватил власть в Магадхе, после чего начал реформировать армию. У греков он перенял дисциплинированную пехоту, но при этом сохранил индийскую «изюминку» — боевых слонов, которые наводили ужас на врагов.

Вскоре Чандрагупта контролировал уже весь Пенджаб и территории к востоку от Инда. Там он столкнулся с самим Селевком. Война казалась неизбежной, но битвы не случилось. Селевк, чьи ресурсы без того были истощены борьбой с другими диадохами, оценил силы визави и предпочел мир.

Условия согласовали простые. Селевк уступал Чандрагупте земли к юго-востоку от Гиндукуша — так, следует отметить, появилась первая в истории Индии держава, объединившая почти весь субконтинент, — а Селевк получил 500 боевых слонов, силу, которая во многом определила исход битвы при Ипсе (301 г. до н.э.), где он разгромил своего главного соперника Антигона.

Договор был скреплен династическим браком: Селевк выдал свою дочь (или, возможно, другую родственницу) за Чандрагупту. Кроме того, правители обменялись послами.

О, Индия, как тебя понять?

Греческий посол Мегасфен провел несколько лет при дворе Чандрагупты в Паталипутре. Он видел империю Маурьев изнутри, говорил с переводчиками, расспрашивал жрецов. Вернувшись, он написал «Индику» — первую книгу грека об Индии.

Сей труд стал не столько документом открытия, сколько памятником непонимания.

Возьмем самое известное место: описание индийского общества. Мегасфен насчитал семь «классов»: философы, земледельцы, пастухи, ремесленники, воины, надсмотрщики и царские советники. Он строго зафиксировал, что переходить из класса в класс нельзя и браки между разными классами запрещены. Все это — правда и неправда одновременно. Индийское общество действительно делилось на эндогамные группы. Но индийцы знали четыре варны и сотни джати, профессиональных каст. Мегасфен же просто наложил привычные греческие категории на чужеродную реальность, не сумев уловить ни сакральной природы брахманов, ни статуса кшатриев, ни места шудр, которых он даже не заметил.

Еще выразительнее пример с богами. Мегасфен записал, что индийцы поклоняются двум главным божествам — Дионису и Гераклу. Дионис, по его сведениям, пришел в Ин-

дию с запада, научил индийцев земледелию, виноделию и законам, основал города и учредил царскую власть. Геракл же был воителем и очистил землю от чудовищ. Для индийца это звучит бессмысленно, ничего похожего индийские пантеоны не знают. Кого автор имел в виду? Шиву? Кришну? Абстрактное божество? Ученые спорят до сих пор.

Страбон, живший через двести лет, назвал Мегасфена «лживым писателем». Строго говоря, это несправедливо. Мегасфен не выдумывал — он ошибался. Но ошибки его показательны.

Слишком разными были две цивилизации и культуры. Им предстоит еще триста лет притираться друг к другу, прежде чем родится нечто третье.

Глава 2.4. Отцы и дети

После Чандрагупты (характерная деталь: царь сам отрекся от власти под влиянием джайнского монаха и удалился в джунгли), так вот после Чандрагупты трон унаследовал его сын Биндусара, который продолжил расширять империю на юг. При нем контакты с греческим миром еще более усилились.

Биндусара, принадлежавший к секте адживиков, аскетической традиции, проповедовавшей фатализм, был тем не менее прагматиком. Он поддерживал дружеские отношения с Антиохом I (сыном Селевка), Птолемеем II Филадельфом в Египте и Магасом в Кирене.

Поздние греческие источники передают один характерный эпизод. Биндусара попросил Антиоха прислать ему три вещи: сладкого вина, сушеных фиг и софиста, т.е. греческого философа. Антиох прислал вино и фиги, но ответил, что греческие законы запрещают продавать философов.

Эта полу-анекдотичная деталь показывает, как два мира изумлялись друг другу.

Биндусара умер около 272 года до н.э. Согласно традиции, ему наследовал старший сын, но тот проправил недолго, та же участь постигла следующего по старшинству. В конце концов на трон сел младший, которого считали бесталанным и неудачливым.

Его звали Ашока.

Первые годы его правления ничем не отличались от правления первых Маурьев: войны, подавление мятежей, казни. В 261 году до н.э. Ашока напал на государство Калинга (современная Орисса) на восточном побережье Индии. Война была жестокой. Ашока так описывает ее в эдиктах: «Сто тысяч человек были там убиты, полтораста тысяч взято в плен». Тут-то и происходит перелом.

Ашока, лицезрев заваленные трупами поля, испытал то, что буддисты называют «глубоким сожалением» (санскр. *saṃvega*). Он обратился в буддизм и дал клятву — отныне его империя будет управляться не мечом, а законом праведности, дхармой.

Так он стал одним из самых необычных правителей в истории человечества.

На скалах и колоннах в священных местах и на перекрестках торговых путей по всей Индии Ашока приказал высечь эдикты, отражавшие его новое мировоззрение. Царь провозгласил, что отныне единственное завоевание, которое он признает, — это «завоевание дхармой». Дескать, даже небольшие страдания, причиняемые подданным в процессе управления, тяготят его совесть. Самокритика властителя? Однако! Такого не было ни в Египте, ни в Месопотамии, ни в Греции...

Ашока запретил жертвоприношения. Он ввел должность дхармамахатров — чиновников, обязанных заботиться

о нравственности подданных, посещать тюрьмы, помогать больным и старым. Царь приказал рыть колодцы, сажать деревья вдоль дорог, строить больницы для людей и даже животных.

Особенно характерен, к слову, двенадцатый эдикт, который и сегодня звучит смело: «Следует почитать чужую веру. Поступая так, человек способствует успеху своей религии и оказывает поддержку чужой. Поступая иначе, он подрезает корни своей веры и вредит чужой».

Буддизм как имперская идеология

Как читатель уже понял, индийцы в древности были весьма склонны к духовным поискам. Брахманизм, джайнизм, адживика, десятки местных культов — выбирай, что по вкусу.

Но почему именно в долине Ганга, а не в Греции или Персии, возник такой мощный запрос на переосмысление основ бытия?

Ответ кроется в обстоятельстве, которое историки называют «второй урбанизацией».

К VI веку до н.э. долина Ганга переживала тектонические сдвиги. Железные орудия, вошедшие в обиход двумя веками раньше, позволили вырубать джунгли и распахивать тяжелые почвы. Из лесов родилась пашня, из пашни — излишки зерна, из излишков — города. На смену разрозненным пле-

менам (джанападам) пришли шестнадцать могущественных государств-махаджанападов, соперничавших друг с другом за контроль над торговыми путями от Гималаев до Бенгальского залива.

Этот экономический рывок породил социальный разлом...и вот здесь-то во всей красе показали себя различия Индии и Греции! В Элладе социальное напряжение выливалось в борьбу демоса с аристократией, в попеременное установление то тираний, то демократий, т.е. в *политическую конкуренцию*. Афинский ремесленник или торговец боролся за права гражданина, влияние в полисе, место в эkkлeсии. А в Индии все происходило иначе. Деньги ломали старые перегородки, но создавали не новые политические институты, а запрос на *новую философию*. Разбогатевшие купцы-вайшьи не желали мириться с положением «третьесортных» существ в иерархии, где верховодили брахманы да кшатрии. А поскольку данная иерархия была прежде всего ДУХОВНОЙ, то и они искали духовное обоснование своему новому положению.

Спрос, как известно, рождает предложение. Рядом с городами, в лесах и предгорьях, появились особые люди — шраманы («искатели»). Это были подвижники неортодоксальных учений, которые отрицали авторитет Вед и варновое деление общества, а провозглашали идеологию личного спасения через осознание ответственности за содеянное и неизбежности воздаяния. В отличие от Греции, где Сократ и со-

фисты спорили на агоре о природе добродетели и наилучшем государственном устройстве, в Индии диспуты шраманов велись под сенью деревьев. Это был не спор о политике — это был спор о спасении. Имена большинства «искателей» сегодня забыты, но именно в их среде вызрели идеи, впоследствии оформившиеся в буддизм и джайнизм.

Почему же Ашока выбрал именно буддизм?

Этот выбор — не случайный каприз правителя. Ибо как походы Александра можно назвать высшим проявлением греческого духа, так и буддизм с некоторой точки зрения выглядит одной из вершин развития индийской цивилизации.

А точнее, буддизм впитал все лучшее, что выработала индийская мысль за предыдущие столетия: идею перерождения (*сансара*), закон причинно-следственной связи поступков и их последствий (*карма*), практику медитации, уходящую корнями в дравидийскую традицию аскезы. Но при этом отверг то, что превратило эти идеи в орудие угнетения: сакрализацию кастового неравенства, абсолютный авторитет Вед как единственного источника знания, жертвоприношения брахманов.

Величие буддизма заключается в том, что он сделал спасение доступным *каждому* — не только брахману, рожденному из уст Первочеловека, но и шудре, появившемуся из его ступней. Как гласит буддийское правило: «в сангху (буддийскую общину) допущены все без различия касты и вероисповедания».

Тот же Ашока, когда министр-брахман упрекал царя, что он, мол, простирается перед монахами низкого происхождения, отвечал: «Каста может приниматься во внимание, когда речь идет о браке, но не о дхарме. Ибо дхарма связана с добродетелями, а добродетели не имеют ничего общего с кастой».

Для империи, объединившей десятки народов с разными языками и верованиями, буддизм, по крайней мере, до поры, представлял идеальной скрепляющей идеологией. Он не требовал уничтожать чужих богов — достаточно было признать, что существует путь, ведущий за пределы всех богов. Как пишет индолог Ромила Тхапар, «Ашока не стремился сделать буддизм государственной религией в том смысле, в каком это понимают в христианском мире. Он хотел создать общество, основанное на этических принципах, которые буддизм разделял с другими индийскими традициями». Буддийский закон дхамма («дхарма» на языке пали) провозгласил не-насилие, послушание родителям, почтительное отношение к брахманам и шраманам, щедрость к друзьям, гуманное обращение со слугами и милосердие ко всем. Греческие версии эдиктов, найденные в Кандагаре, переводят «дхамма» как *eusebeia*, «почитание богов и родителей». Но для Ашоки это был не столь пиетет перед богами, сколь светская этика, доступная всем.

Именно буддизм вкупе с эдиктами Ашоки превратили Индию — впервые в ее истории — в единое идейно-цивили-

зационное пространство с общими для всех нравственными ориентирами. Правда, воспользовались плодами трудов великого царя не продолжатели его дела, а его противники...

После смерти Ашоки в 232 году до н.э. возведенное им здание не продержалось и полстолетия. В 185 году до н.э. последний из Маурьев был убит собственным главнокомандующим Пушьямитрой Шунгой, основавшим новую династию.

То был не просто дворцовый переворот, а реванш добуддийских порядков. Шунги принадлежали к брахманам и не скрывали приверженности старой религии. Взяв власть, Пушьямитра совершил ведийский обряд ашвамедха (жертвоприношение коня), что символизировало восстановление брахманской ортодоксии.

Однако дело Ашоки погибло не полностью.

Что верно, то верно, в Индии буддизм так и не стал понастоящему «народной» религией, ибо индуизм оказался гибче. Последний объявил Будду «воплощением Вишну» и предложил те же ненасилие, вегетарианство, сострадательность, но без необходимости разрывать с социальным укладом.

Зато за пределами субконтинента буддизм, напротив, воспринимался как абсолютно уникальное учение. Благодаря чему пустил корни почти всюду, куда были отправлены миссионеры: в Шри-Ланке, Таиланде, Бирме, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, etc.

«Почти», потому что еще во времена Ашоки буддийские проповедники принимались... при дворах греческих царей Антиоха II, Птолемея II, Антигона II Гоната, Магаса, Александра II. Правда, особого резонанса они там не произвели — ну да не мудрено. Как не раз нами подчеркивалось, сложно вообразить масштаб пропасти между греками и индийцами. Индийцы смотрели на греков и видели суесящихся невеж, не способных усидеть на месте, тогда как истинная мудрость в покое и отрешении. Для греков же индийцы были ленивыми, отсталыми варварами. Те и те не могли испытывать друг к другу теплых чувств.

А уж буддизм — подавно являл вселенский контраст со всем, что составляло суть эллинизма! Если греческая система была состязательной, ее искусство искало идеальные пропорции, а философия служила попыткой объяснить мир через разум и наблюдение, то движущей силой буддизма было освобождение от страстей. Греческий ответ на вопрос «как жить?» — максимально реализовать свой потенциал. Буддийский — прекратить цепь перерождений, чтобы избавиться от страдания.

В одном из текстов палийского канона есть знаменитая притча. Будда говорит: представьте человека, раненного стрелой. Он не будет спрашивать, кто ее выпустил, из какого лука, из какого леса взяли дерево для древка. Он вытащит стрелу и обработает рану. Так и я учу только одному: прекращению страдания. Все остальное — не относится к

делу. Греческий философ на месте Будды начал бы именно с вопроса о луке, стреле и стрелке. Потому что греки хотели знать причину всего.

...Но тем поразительнее, что именно буддизм станет точкой соприкосновения, в которой два мира придут к взаимопониманию. Жернова истории мельют медленно, но верно.

Раздел 3. Рождение индогреков

Глава 3.1. Забытое царство на краю Ойкумены

Откроем любой учебник по истории Древнего мира. Греция — вот она, с Афинами и Спартой. Рим — республика, империя, цезари. Египет — пирамиды и фараоны.

А теперь поищем Греко-Бактрийское царство.

Его там нет. Хотя в пик могущества сие царство простиралось от песков Каракум до долины Инда, а это как добрая половина Западной Европы. Греко-Бактрия чеканила крупнейшую золотую монету античности — настоящий Грааль нумизматов! — и просуществовала почти двести лет, но... все равно оказалась вычеркнута из памяти. Для греков, живших в Александрии или Антиохии, эта земля являлась краем света, куда уходили самые отчаявшиеся и откуда редко возвращались. Для римлян, пришедших им на смену, царство вовсе лежало за горизонтом интересов: «далеко, дико и бедно». Немудрено, что после арабского завоевания VIII века греческие надписи на афганских скалах стали казаться местным письменами джиннов. Царство, которое когда-то соединяло Запад и Восток, превратилось в легенду.

Но легенда эта имела вполне реальную основу.

Вот как было дело. Уже через семьдесят лет после смерти Александра — где-то между 255 и 245 годами до н.э. — потомки тех ветеранов, что пустили в Бактрии корни, отложились от Селевкидов. Наместник области Диодот I, грек-бактриец в третьем поколении, провозгласил себя царем. (Ему удалось это без особого труда, ибо в тот момент Селевкиды были отвлечены на войну с Египтом). Так на карте появилось эллинистическое государство за тридевять земель от средиземноморской родины. Коренной народ (около 1,5 млн человек), говоривший на восточно-иранском языке, жил в основном в сельской местности, возделывая орошаемые долины Амударьи да пася скот. Греки, предпочитая города, с бактрийцами не враждовали, а существовали как-бы параллельно.

Уникальность Греко-Бактрийского царства лучше всего передают раскопки местности Ай-Ханум. Представим себе древний город у слияния двух рек, там, где сегодня проходит граница между Афганистаном и Таджикистаном. Здесь имелся амфитеатр на шесть тысяч зрителей, вырубленный в склоне холма. Гимнасий площадью более двух гектаров с бассейном для плавания и беговыми дорожками. Пропилеи — монументальные ворота, как в Афинском акрополе. Колонны с коринфскими капителями, мозаичные полы, черепичные крыши. На каменном постаменте статуи в мавзолее Кинея, основателя города, были высечены те же наставле-

ния, что в дельфийском храме Аполлона: «В детстве будь послушным, в юности сдержанным, в зрелости справедливым, в старости разумным, умирай без боли».

Удивительный феномен Греко-Бактрии: пребывая отрезанными от Средиземноморья и не имея постоянной связи с метрополией, здешние греки хранили родную культуру истовее, чем греки в Элладе! В то время как Афины сотрясали политические бури, на берегах Окса-Амударьи наследие родины оставалось незбылемо. Законсервированное, но не мертвое.

Отчего так сложилось? Отчасти оттого, что культура в изоляции либо умирает, либо становится ритуалом. Бактрийские греки возвели свою «греческость» чуть ли не в ранг религии. Они строили гимнасии не из-за того, что им были так уж нужны спортивные площадки, а потому что гимнасий являлся символом цивилизации. Они читали Гомера не для одного удовольствия, но чтобы не забыть, кто они такие.

Живя в режиме этакой «культурной консервации», Бактрия оказалась идеальным передаточным звеном между Востоком и Западом. Здесь сходились пути зарождающегося Великого шелкового пути. С товарами проникали и идеи: уже в III веке до н. э. буддизм начал свое победное шествие на запад. Монахи, следуя по караванным путям, селились в крупных городах Бактрии и основывали сангхи, благо, терпимость значилась неотъемлемым элементом не только дхаммы, но и политики эллинских властей.

Ну а на восток, соответственно, накатывали волны влияния греческого...

Глава 3.2. Из Бактрии в Гандхару

Когда в 185 году до н.э. империя Маурьев рухнула, во внутрииндийскую распрю решил вмешаться никто иной, как тогдашний бактрийский царь Деметрий.

Около 184 года до н.э. греческая армия пересекла Гиндукуш и продвинулась вглубь Индии — возможно, до самой столицы Паталипутры (современная Патна). К тому моменту прежняя крепкая империя Маурьев стремительно разваливалась, сотрясаемая восстаниями провинций. Местные правители, обессиленные междоусобицами, либо сдавались без боя, либо не могли организовать толковую оборону.

На завоеванных землях Деметрий основал то, что историки называют *Индо-Греческим царством*. Его сердцем стали регионы Гандхара и Пенджаб на северо-западе субконтинента, а крупнейшими городами — Таксила, Пушакалавати и Сагала. Плодородные долины Инда с притоками мало того, что славились многолюдностью да богатством, так еще находились на перекрестке сухопутных и морских маршрутов. Отменный трофей!

Теперь занятный момент. Самая известная монета с портретом Деметрия отчеканена уже после смерти последнего его преемником Агафоклом. Эта серебряная тетрадрахма несет на лицевой стороне профиль царя со слоновьем скальпе на голове: так что лицо выглядывает из-под хобота.

В буддийской традиции белый слон — одно из воплощений Будды, символ просветления. «А уж не был ли Деметрий буддистом?» — еще с середины XX века начали задаваться вопросом иные исследователи. Кое-какие предпосылки у этого мнения есть. Благосклонность Деметрия к учению Будды общеизвестна. В городе Сиркапе, основанном царем близ Таксилы, буддийские комплексы соседствовали с греческими храмами. И это не единичный случай. На юге Афганистана археологи нашли следы Деметриады, еще одного заложённого Деметрием полиса. Там среди греческих построек опять же стояли буддийские ступы. Эллины и буддисты молились бок о бок! Британский историк Уильям Тарн выдвинул чрезвычайно смелое предположение: вторжение Деметрия было не просто экспансией. Империя Маурьев являлась союзницей греков, потому ее падение и приход к власти брахманской династии, начавшей преследование буддистов, могли побудить греческого царя выступить в защиту... единоверцев. Вот почему Деметрий шел как завоеватель, но вел себя как паладин дхармы: захватывая индийские области не сжигал города, не угонял население в рабство и не разрушал храмов. Это, само собой, не уникально для греческих царей, Селевкиды вели себя так же. Но терпимость Деметрия выглядит не просто случайным великодушием.

За ней проглядывает некая системная стратегия.

Внесем ясность. Прежде всего, едва ли можно считать состоятельной гипотезу, что Деметрий-де ринулся в Индии за-

щищать буддистов от гонений новых властей. Ромила Тхапар, упоминавшийся уже нами специалист по истории Индии, довольно аргументированно считает, что сообщения о преследованиях буддистов при Шунга преувеличены хронистами. Не говоря, что Деметрий никогда не принимал буддийских титулов — будь он взаправду буддистом, то наверняка оставил бы тому явные свидетельства.

Во-вторых, экономические мотивы вторжения были внушительны сами по себе. Бактрия стала для греков тесноватым домом. Малонаселенные долины Амударьи давали достаточно, чтобы выжить, но не процветать по-настоящему. В проекте же «Греко-Индии» Деметрий разглядел совсем иной потенциал. Шутка ли: тридцать миллионов трудолюбивого населения, выход к Аравийскому морю и доступ к пряностям, драгоценным камням, шелкам...

...С этой точки зрения вся индийская политика Деметрия предстает действиями дальновидного хозяина, обустривающего новый дом. В Гандхаре греки показали себя отличными менеджерами. Они оставили на местах индийскую администрацию (поставив над ней греческих контролеров), сохранили существовавшую систему сбора податей (добавив к ней греческие стандарты учета), ввели в обращение монеты с двуязычными надписями (на греческом и пракрите). А в целях закрепления на ключевых позициях — например, у Таксилы, — начали строить целые города по греческому образцу. Все это обернулось дивидендами в виде стабильного

(за счет лояльности местных элит) и обильного (благодаря отлаженному сбору налогов и торговых пошлин) притока серебра.

Гроза пришла откуда Деметрий не ждал.

Новые вызовы

Около 175 года до н.э., пока царь воевал в Индии, «дома» против него восстал стратег Евкратид. Эллинское государство раскололось на две части: династия Евкратиды закрепилась на севере от Гиндукуша, в Бактрии, а наследники Деметрия удержались к югу, в Гандхаре.

Дальнейшая судьба Бактрии незавидна. Ослабленная внутренними распрями Евкратидидов, она не выдержала внешнего удара. Между 140 и 130 годами до н.э. с севера сюда вторглись кочевые племена юэчжей. Захватчики разгромили все остатки государства и положили конец эллинскому владычеству в Центральной Азии

Однако Индо-Греческое царство оказалось более живучим. В отличие от долин Бактрии, долины Гандхары и Пенджаба имели естественный защитный барьер в виде того же Гиндукуша, который сдерживал натиск степняков.

Другое дело, что раньше, в Бактрии, греческие цари всегда могли рассчитывать на подкрепление из других греческих царств или лояльных племен. Здесь же, в Гандхаре, они от эллинистического мира стали отрезаны. Любое восстание

местного населения могло смести их за неделю.

По сути, греки оказались в том же положении, что и арии за полторы тысячи лет до них. Горстка чужаков (а греков насчитывалось от силы 20-30 тыс человек) среди безбрежного туземного моря. Удержать такую массу одной силой невозможно — по крайней мере, имея оружие того времени... Что в такой ситуации сделали арии? Перестали быть завоевателями, а стали частью местной системы.

Так оно так, только арии-то были дикими кочевниками, которым нечего терять, кроме колесниц. А вот греки несли с собой целый мир. Гомера, геометрию, полисную этику, понятие о прекрасном, четкое разделение на «эллинов» и «варваров». Отказаться от всего этого наследия ради чужого — означало бы самоубийство идентичности! Мыслимо ли это?

Вот такая образовалась дилемма. С одной стороны, открывались завлекательнейшие перспективы в развитии Греко-индийского царства. С другой — шаткость положения как пришлых, что рано или поздно неминуемо привело бы к краху.

...И тут как нельзя кстати подвернулся буддизм.

В Гандхаре учение Просветленного пустило глубокие корни еще при Ашоке, а к приходу греков в регионе уже существовала разветвленная сеть монастырей и сангх. В отличие от остальной Индии, здесь буддизм не испытывал давления брахманистской реакции и свободно питался энергией торгово-культурного хаба... Ну и самое главное. Сильная сторо-

на буддийского учения заключалась не только в том, что его придерживалась часть гандхарской элиты и населения. Но и в том, что не в пример брахманистской традиции буддизм не требовал рождения в определенной варне, а был открыт для всех. Не исключая греков.

Вот оно — то игольное ушко, чтобы и в систему влиться, и своей идентичности не предать!

Греки, безусловно, никак не могли пройти мимо этой возможности. Но пущий парадокс в том, что этот «алхимический брак» вышел не столько по расчету, сколько по любви.

Глава 3.3. Что греков привлекло в Будде?

...Вот вопрос, который поставил в тупик не одно поколение историков. Как случилось, что греки — воплощение всего, что отрицал буддизм: привязанности к радостям мира, страсти к состязанию, культа индивидуализма, — стали в числе самых ревностных буддистов в истории? Как этот народ, привыкший спорить, измерять, побеждать, вдруг принял учение об отказе от желаний?

Ответ не лежит на поверхности. Чтобы его найти, нужно понять, чего грекам не хватало.

Эллинистический мир, в котором вырос тот же Деметрий, исподволь стал миром утраченных иллюзий. Александр разбил старую картину вселенной, но не создал новой. Полисы потеряли прежнюю самостоятельность. Гражданин, некогда решавший судьбу своего города на народном собрании, превратился в царского подданного, как какой-нибудь перс или египтянин. Родные олимпийские боги — Зевс, Аполлон, Афина, — и те начали казаться бессильными.

В этот духовный вакуум хлынули философские школы. Стоики учили: не пытайся изменить мир, измени свое отношение к нему. Эпикурейцы советовали: уйди от политики, ищи счастья в малом. Скептики предлагали вовсе воздержи-

ваться от суждений — ведь ни в чем нельзя быть до конца уверенным!

Греческая философия, бесспорно, восхитительна во множестве аспектов. Но у нее имеется одна фундаментальная проблема: она сложна. Стоику или эпикурейцу нужно было иметь досуг для многолетних штудий, чтобы разбираться в хитросплетениях логики Хрисиппа и осваивать учение о критериях истины, понятных лишь подготовленному уму. Простому ремесленнику, солдату, купцу это было недоступно.

Буддизм предложил иное.

Четыре благородные истины умещались в нескольких фразах. Страдание существует. У него есть причина — желание. Страдание можно прекратить, устранив его причину. Никакой сложной метафизики, никакой подготовки — понять основы мог любой. (Т.е., конечно, за этой «простотой» скрывалась глубочайшая философия с ее анализом причинно-следственных связей, пересмотром идеи «я» как иллюзорного конструкта, учением о сознании как о потоке мгновенных состояний, — всем тем, что, в свою очередь, чрезвычайно оценила уже прослойка греческих интеллектуалов...)

Самое же главное, буддизм давал ответ на вопрос, который мучил каждого мыслящего грека: что ждет после смерти? Гомеровские тени в Аиде влекли жалкое существование, а олимпийские боги даровали бессмертие лишь немногим героям. Философы спорили о посмертном бытии, но ничего

не обещали. Тогда как Будда учил: нирвана — это не блаженство для малого круга избранных, ибо дается каждому, кто пройдет путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.